

Волга как прецедентный знак русской культуры

Подробному описанию отраженных в языке знаков русской культуры (реальных предметов, явлений, действий) абстрактных объектов, архетипических образов, мифологических сюжетов и т.д.) уделяется внимание в теоретических исследованиях А. Афанасьева, Ю. Лотмана, Г. Гачева, Ю. Караулова, Е. Верещагина, В. Костомарова, В. Воробьева, Ю. Прохорова, энциклопедических изданиях В. Даля, М. Фасмера, М. Зиновьевой, Т. Чернявской, А.Щукина, методических пособиях Ю. Ковалева, М. Пановой, Е. Коларовой, Л. Трушиной и др.

Безусловно, к прецедентным знакам любой национальной культуры в первую очередь относятся имена собственные, обладающие богатыми ассоциативно-семиотическими возможностями. Некоторые из таких знаков перерастают в подлинные символы. Это происходит в том случае, если подобные явления, обладая образно-архетипической, ментально-универсальной значимостью в собственной культуре, сопрягаются с равноценными символами в культурах разных времен, т.е. оказываются сопряжены с мифологией, литературой, искусством и другими семиотическими системами иных народов планеты¹.

В частности, семиозис культуры отчетливо проявляется в топонимических наименованиях, ибо они представляют собой «типичные описания языковых знаков в их назывательной функции»². Одним из таких наиболее существенных символов русской истории и культуры выступает *река Волга*. В ее написании реализуются составляющие прецедентно-этнологического знака³: *означаемое* (план содержания, т.е. собственно топонимическое явление) и *означающее* (план выражения, в данном случае как интегрирующая русскую нацию духовная константа со всеми многообразными ассоциативно-понятийными приращениями в определенном контекстуально-речевом окружении).

Очевидно, название *Волги* в славянских языках восходит к понятию «*волг-лый*», т.е. *влажный*⁴. По наблюдениям Ю.Караулова, ассоциативно-понятийный ряд, связанный с наименованием наибольшей русской реки в европейской части

России (традиционного ареала зарождения и обитания русской нации), образуется из следующих элементов: *река, матушка, мать, широкая, автомобиль ГАЗ, барство, болото, вид на Волгу, впадает в Каспийское море, долго, Дон, жарко, Жигули, изба, «колыбель моя», красивый человек, небо, осетр, пароход, речка, рыба, синяя, течет и др.*⁵. Дополнительные коннотации к понятию *Волга* образуются от слов *река, берега, вода*⁶. Последние образуют свою разветвленную сеть новых ассоциаций.

Согласно Ю. Караулову, применительно к русской действительности *река* соотносится с характеристиками: *Волга, быстрая, глубокая, полноводная, бурлаки, купаться, мосты, мутная, обрыв, рыбалка, рябь* и т.д. Понятие *берег* (т.е. берег Волги) включает в себя дополнительные смыслы и ассоциации: *высокий, песчаный, далекий, обрывистый, туманный, волны, деревня, заросший, излучина, каменистый, ласточка, лес, переправа, плыть, поросший, причал, трава* и др. В сознании россиян с *водой* соотносятся понятия *холодная, чистая, прозрачная, живительная, родниковая, лед* и др.

Настоящий «географический» ряд, несомненно, расширяется за новых смысловых приращений: исторических, социальных, культурных. Поволжье (как Киев, Новгород, Москва, Петербург и др.) является одним из наиболее существеннейших духовно-консолидирующих центров русской культуры. Река Волга [*Итиль, Идель* – у юго-восточных народов) как определенная граница русского этноса мыслится уже в летописях X в. В частности, описываются военные походы русских дружин на Хазар каганат. Упоминается боевое снаряжение русских воинов, их передвижение воде на ладьях⁷. Начиная с XVI столетия на Волге происходят значительные события (аналогичные Куликовской битве и Ледовому побоищу), связанные с сохранением государственной мощи и суверенитета русской нации. Таковыми, с точки зрения историков, являются падение Казанского (1552 г Астраханского (1556 г.) ханств (последних близлежащих оплотов Золотой Орды), усмирение бунта 1670 – 1671 гг. под предводительством Степана Разина, Сталинградская битва 1942-1943 гг. Все значительные исторические события со временем находят свое отражение в художественном слове, изобразительном искусстве и музыке, приобретают ореол легендарности, т.е. образ культурно-кодовой семантикой.

С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях Волга обретает человеческий облик. Она – сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У краса Волги есть братья – бурный Днепр и глубоководное Ильмень-озеро⁸.

Общерусские тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются духом вольности, удалства. Здесь известны вес основные сюжеты исторических песен о татарском полоне (XIV в.) и песен XVI в., когда после завоевания Иваном Грозным Казани началось массовое заселение Поволжья русскими и иными народами – союзниками русских. В этих песнях часто встречаются черты волжской природы и связанные с волжским пейзажем объекты {высокий утес, зеленые луга, быстрая река, чистая струя, легка лодочка, веселые кленовые и др.}. Знаковыми становятся упоминания географических названий.

...Как и наш-ат государь *под Казань* он подступал,
Под тоё ли крепку стену белокаменную,
Переправу он держал через *мать Волгу-реку*,
Он подкопы подводил *под Казань под реку*⁹.

Часто в исторических песнях о взятии Казани предлагаемой государем награде – «*золотой казне*» и приглашению стрельцам-героям «*жить в столице*» – предпочитается вольное казацкое житье на окраине Руси, в очередь осознаваемое как воинский долг перед отечеством: «*На Яике будем жить, будем оберег держать, Будем оберег держать, всю Россию сберегать*»¹⁰. Таким образом, уже в исторических песнях XVI в. отражается расширение границ пространственного мышления средневекового русича, появление масштабного взгляда на историю своего этноса. С этого времени Поволжье становится отправной точкой для последующего приращения Русского государства (походы Ермака в Сибирь, завоевания Петра Первого и др.).

В одически-возвышенной поэме «К Волге» поэта XVIII в. И. Дмитриева звучит торжественный гимн в честь великой реки, символизирующей историческую славу росссов и красоту русской природы. Уже в зачине поэмы Волга именуется как «*рек, озер краса, глава, царица*»¹¹, мыслится как «*честь и слава*» своего Отечества, наделяется эпитетами; *пышна, величава*. Красота речных просторов с судами, бегущими «*на быстрых белых парусах*», рисуется сначала в минорных тонах: «*Там веси, нивы благодатны, Стада и кущи рыбаей. Цветы и*

травы, ароматны...». Но уже затем автор поэмы соотносил мощную водную артерию российских просторов с аналогичными в мире и, гиперболизируя (вопреки реальности), наделяет ее превосходящими по своим параметрам величинами: Волга мыслится значительнее Евфрата, Нила, Ганга Балтийского и Каспийского морей.

В поэме, сообразно замыслу эмоционально-возвеличивающей тональности повествования, разворачивается историческая канва эпохальных событий, происходивших на Волге. Так, кормчий, указывая на лесистые холмы по берегам реки, привлекает внимание спутников и предается горестно-грозным воспоминаниям: *«Здесь Разинов был, други, стан!»* В воображении же самой автора поэмы проходят батальные сцены времен Ивана Грозного (Казань Астрахань) и Петра Первого, названного в стихотворении *«царем силом»* (противостояние с Персией и Турцией). Поэт рисует образ российского царя, которого *«волжски волны несут ... гордыни полны»*. Как будто сама природа сопутствует триумфу российского императора: *«О, как ты, Волга, ликовала! С каким восторгом поднимала Победоносного царя!»*

Народная память сохранила предания о Степане Разине, окутала его имя ореолом бессмертия (*«Степан Разин не умер. В день, когда ему выйдет срок, он встанет...»*). В фольклорном сказании Саратовской губернии «Бугор Степана Разина»¹² легендарность образа предводителя казачества создается разными способами. Указывается его статус – *волжский атаман, грозный мститель за народ*. Называется место его пребывания – *Разины горы («Эта горы на берегу Волги от Федоровки до Терешки, их видно из Елишанки»)*. При помощи народной символики, а именно оборотничества, Разин предстает то в виде *громادного горного орла*, то *«старого старика»*, расспрашивающего людей об их житье-бытье и выслушивающего жалобы. Достоверность сказанного подчеркивается набором глагольных конструкций в форме настоящего времени (*живет, нападает за провинность, выслушивает, обещает явиться грозным мстителем за народ*).

В XVIII столетии в Поволжье родился знаменитый клич *«Сарынь, на кичку!»* На языке того времени *кичкой* называлась носовая часть струга, *сарыню* – толпа, ватага (т.е. бурлаки, гребцы на купеческих судах)¹³. На известной картине В.Сурикова Степан Разин изображен возлежащим на коврах, в богатых одеждах рядом с теми, кто правят судном. Образ волжского атамана предстает на картине художника в былинно-сказочной тональности. Главный герой неподвижен, погружен в глубокие раздумья. Движения гребца уравновешены и напо-

минают крылья гигантской птицы¹⁴. Волевые качества бунтарей оттеняются безобразными просторами водной стихии.

Начиная XVII в. имя Разина в народно-христианском восприятии связывалось с представлениями о царе-избавителе, страдальце за народное счастье либо Антихристе. По мнению Ю.А. Гурской, образ Разина, выступая в роли емкого культурологического кода, становится ключевым в своеобразной системе имен-мифов, имен-символов и в художественной литературе XX века, актуализируясь в различных аспектах в творчестве В. Хлебникова, М. Цветаевой, М. Волошина, В. Шукшина, Е. Евтушенко и др¹⁵.

Приоритет же обращения к образу предводителя народного восстания в авторском искусстве слова – принадлежит А.С. Пушкину. Следуя народным традициям, он создает свой цикл «Песен о Стеньке Разине», состоящий из 3-х произведений эпически-подражательного жанра. В них речь идет о событиях, разыгрывающихся на Волге, Каспийском море и в Астрахани. В 1-ом фрагмента обыгрывается ситуация, сходная с той, что обрисовывается в народной песне «Из-за острова на стрежень...» Полоненная заморская красавица-царевна выступает как жертвенный дар Волге-реке от грозного атамана Степана Разина: «... *В волны бросил красную девицу. Волге-матушке ею поклонился.* За повествовательной канвой частного случая из биографии предводителей казачьего войска вырисовывается подлинно эпический сюжет о могучей полноводной реке Волге, праматери сильных духом личностей.

Ой ты гой еси, Волга, *мать родная!*

С глупых лет ты меня *воспоила,*

В долгу ночь *баюкала, качала,*

В волновую погоду *выносила,*

За меня ли молодца *не дремала,*

Казаков моих *добром наделила*¹⁶.

О тяжелой доле солдата на государственной службе сообщалось в грустных солдатских и рекрутских песнях. Песня «Не чаяли солнышку на закате быть» типично поволжского региона. Для лирического героя и его близких отправка на службу соотносится с вечерним закатом, ненастным днем, туманом, дождем (собственно, представлен типично приречный пейзаж). Предрешен исход разлуки: временное (хоть и на 30 лет) превращается в вечное, ибо сыну (*вольной*

пташке) никогда больше не предстоит свидеться с матерью. Хотя в рекрутской песне и есть предощущение горя, на что указывают гипербола временной градации (*избыла одним часом, одной минутою*), символы ненастья (закат, туман, дождь), но все-таки содержание ее наполнено каким-то особым светом понимания лирическим героем своего высокого человеческого предназначения.

Служба мыслится юношей как достойный приход в сообщество доблестных «добрых молодцов».

Поди-ка, моя матушка, *на Волгу нареку,*
Купи-ка, купи мне, матушка, *легку лодочку,*
Навесь, навесь мне, матушка, *еесельцы кленовые,*
Найми, найми, матушка, *гребцов, добрых молодцов,*
Пусти меня, матушка, *вниз по Волге по реке*¹⁷.

Мощная водная стремнина увлекает лирического героя песни за собой большую жизнь, где он должен окрепнуть и закалиться. Но цена его возмужания – разлука (навечно) с милой матушкой. В целом же, жертвенность это тоже одна из особенностей того мироощущения, которое издавна сконцентрировано в русской песне, в русской душе. В песне «Ой вы, грязи мои грязи черные, разосенные...», записанной в Поволжье («...*Под горами бежит быстра речушка. По прозваньицу Волга-матушка*»), горе по убитому воину выливается в плач родных и сопоставляется с картинами природной стихии.

Как отец-то плачет, *что река льется,*
Молода жена плачет, *что роса падет*¹⁸.

В этой песне изображение человеческого горя гиперболизируется за счет контраста водной символики (река, волна, роса). Горе отца – неизбежно, матери – нескончаемо-больно, молодой жены – непродолжительно («*Красно солнышко возишло – роса высохла, Молода жена забывать стала...*»).

Традиции поволжской народной песни в XIX в. были подхвачены Н. Некрасовым. В его сочинениях сохранена тематика, ритмомелодика, символика народного стиха. Писателю удалось придать особый эмоциональный настрой часто встречающемуся в его поэзии этнониму «*русский*», который «в ряде случаев сопрягается у Некрасова с ситуациями, обозначающими страдание, горе, несчастье, беду»¹⁹. Тем не менее, к характеристике этноса Н. Некрасов подходит многогранно и вдумчиво, подчеркивая в качестве важнейших положи-

тельных черт русской нации такие, как долготерпение в трудностях, толерантность по отношению к другим, глубокую духовность и красоту внутреннего мира человека-труженика, бережно-философское отношение к окружающей природе.

По существу, в отечественной литературе Н. Некрасов явился выразителем *русской боли*. В стихотворении «На Волге» он говорит о рабстве поневоле - тяжком труде бурлаков (*«Выдь на Волгу: чей стон раздается Над великою русской рекой? Этот стон у нас песней зовется – То бурлаки идут бечевой!...»*²⁰). Оттого образ Волги предстает в самых мрачных тонах. Поэт называет ее *«рекою рабства и тоски»*.

В живописи эту тему подхватил И. Репин. Однако в картине «Бурлаки на Волге» он несколько иначе, чем Н. Некрасов, представил своих героев. Широта и величие полноводной реки вовсе не заслонены фигурами понуро бредущих люден в ободранных одеждах, ибо бурлаки, тянущие па себе против течения реки увесистую баржу, для художника перестали персонифицировать только идею беспросветного страдания²¹. В изображенных им на полотне людях Репин увидел подлинную силу, ум, красоту, величие духа, непокорность обстоятельствам, бунтарство, осознание своего человеческого достоинства.

Волга и Поволжье вдохновляли к созданию произведений на подлинно русские сюжеты Г. Державина, К. Рылеева, И. Крылова, М. Салтыкова-Щедрина. Н. Островского, Н. Чернышевского, М. Горького, А. Толстого, В. Хлебникова, В. Шукшина и др. отечественных авторов. Излюбленными темами их сочинений стали: неброская красота природы, аллегории о животных, жизнь купечества, разночинцев, крестьян, бурлаков, проблемы социального неравенства, бунтарство, хлебопашество, речной промысел и др.

Пребывание на Волге вызвало множество впечатлений и у А. Чехова с И. Левитаном. Водная стихия занимает значительное место в творчестве обоих мастеров. Изображение водной стихии средне-русской полосы и южно-степное зоны России часто встречается в произведениях А. Чехова. Он со знанием дела описывает речные просторы, растительный и животный мир водоемов, передает нюансы рыбной ловли, живописует картины грозы, любит речным пейзажем. А. Чехов воссоздаст картины природы в их динамике, в подсветке, в звучании, в ощущении неповторимых ароматов окружающего многообразия мира (туман-

ного утра, заревых отблесков, щебета птиц, медвяного духа трав и кустарников, шепота волн).

Волга, луна, окружающая красота пейзажа завораживают сознание героини рассказа А. Чехова «Попрыгунья». В тихую лунную ночь с палубы волжского парохода подвижные тени на поверхности воды бирюзового цвет великолепия прибрежных кущ и бездонно-высокое небо над головой создают ее восторженном сознании иллюзию колдовства и фантасмагории. А. Чехов выступает здесь мастером емко-образного пейзажа. В частности, описывает Волгу летом и в осенний период, использует приемы контраста композиционного обрамления в тексте, создает антитезу содержательного плана. Изображение реки становится не просто повествовательным фоном, эмоциональным регистром этой повести: «...А Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид. Все, все напоминало о приближении тоскливой хмурой осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берега, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское парадное природа, сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны...»²². Приречный пейзаж в чеховском произведении весьма компактен передает изменения в общем настрое эмоционального духа героя произведения, а также подготавливает читателя к постижению авторской оценки на происходящие события (в данном случае – негативного отношения главной героине повести).

Из-под кисти И. Левитана вышли такие пейзажные шедевры, как «Вече, на Волге», «Над вечным покоем», «Свежий ветер», «Вечер. Золотой плес» «После дождя» и др. Так или иначе, все картины «волжского» цикла у И. Левитана светозарны, наполнены солнечными бликами. От изображаемого времени суток (восхода, полудня, заката) зависит насыщенность палитры художника. Подчеркивается синева волн на фоне торжественно-праздничных кораблей, мягкие переходы от зелени прибрежных трав к затянутой маревом водной глади в предутренний час, светлые блики на отражающей поверхности реки и др.

На картине «Над вечным покоем», контрастируя с холодноватой синевой уходящих в бесконечность далей и с огромным водным пространством (в середине которого словно плывет оторвавшийся от берега островок), легкое полоской скользит перед тучами золотое облачко. Громада тяжелых облаков нависает над предвечерним горизонтом и неукоснительно надвигается на косогор. Их

движением управляет ветер, клонящий деревья в сторону одиноко стоящей на косогоре церквушки. Громадно-величественное пространство природы оттеняется сиротливо стоящими поодаль крестами на могилах усопших. «...И от громадного водного простора, от мощного массива туч, от всей этой величественной картины мира веет настроением высокого трагизма»²³. Эту картину И. Левитан по праву считал своим центральным произведением.

Из всех городов, основанных на берегах великой реки, особое место в истории России XX века занимает Волгоград. Возникший в XVI в. как город-крепость. Царицын был сначала сторожевым городом, затем промышленным центром²⁴. Именно экономическая мощь, рожденная транспортировкой грузов по Волге (нефти, руды, цветных металлов, леса, зерна), всегда притягивала сюда противников *«государства Российского»*. Победа 1943 г. под Сталинградом явилась переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны советского народа, в ходе всей Второй мировой войны. По большому счету, здесь решалась судьба всего человечества. По масштабу и ожесточенности мир и по сей день не знает сражений, равных этой битве.

Именно в те суровые для Отечества времена родился призыв, обращенный к глубинам исторической памяти россиян: «За Волгой для нас земли нет!»

Сталинград 1942-1943 гг. обрел масштабы планетарного значения. Очевидец тех событий, В. Гроссман в своем романе «Жизнь и судьба» выразил эту мысль так: *«Каждая эпоха имеет свой мировой город – он ее душа, ее воля. Вторая мировая война была эпохой человечества, и на некоторое время ее мировым городом стал Сталинград. Он стоял мыслью и страстью человеческого рода...»*²⁵. Человек-патриот, вставший на пути огня и железа и вышедший победителем в труднейшей схватке, – это и есть наисерьезнейший итог противостояния силам агрессии. В произведениях В. Некрасова («В окопах Сталинграда»), Ю. Бондарева («Горячий снег»), М. Шолохова («Они сражались за Родину»), К. Кулиева («Знамя») и др. в обобщенном плане отразилась история поколения 40-х гг. XX-го столетия и одновременно история могущества и непоколебимости праведного, свободолюбивого человеческого духа.

Разгром противника под Сталинградом был воспринят мировой общественностью как *«поражение, не имеющее равного во всей истории войн»*) (Ж.-Р.Блок, фр.) Величайшая победа многонационального содружества народов

страны под Сталинградом дала повод воспринимать Волгу не только как величайшую реку России, но и как *«ее сокровище, ее символ, ее судьбу»* (Дж. Пристли, амер.) Возведенный заново из руин руками тружеников, *«Сталинград дал вселенной жизни великий урок: рождаться, рождаться, рождаться...»*) (П. Неруда, чил.)²⁶.

Широта и масштабность образа Волги, ее значимость для россиян обобщены в песне «Течет Волга» (сл. Л.Ошанина, муз. М.Фрадкина)²⁷. Содержание песни отражает мироощущение человека XX столетия. Утверждаются вечные ценности человеческого бытия (*«Все, без чего на свете жить нельзя»*) – это необъятные просторы России (хлеботородные нивы, заснеженные равнины, дальние плесы), малая родина (причал, дом), близкие люди (мать, любимая, друзья, мальчишка из нового поколения), труд на благо своего Отечества (его символом выступают ладони натруженных рук). Собственно, это и есть те знаки этнокультуры, которые в совокупности отражают ментально-духовную сущность русской нации.

Воспарение духа лирического героя передано через пространственную характеристику – перемещением взгляда в бесконечность – *звездную тишину*. Основной упор делается на вневременном характере повествования, что достигается сочетанием линейного способа измерения времени (через соотношение с судьбой человека: 17, 30, 7-ой десяток лет, конец пути: *«Когда придешь домой в конце пути...»*) с циклическим (через проекцию судьбы человека на жизнь нового поколения: *«...Другой мальчишка подпевает мне»*). Та же бесконечность выражена в начальных строках рефрена песни: *«Издалека долго Течет река Волга, Течет река Волга, Конца и краю лет...»*

В тексте обнаруживается два хронотопа «пути»: один связан с образом лирического героя (судьба отдельного человека), другой – с образом Волги (судьбой России). На долгий, длинный и многолетний путь Волги проецируется судьба индивидуума, составляя гармоническое единство отдельной личности с мирозданием.

Образ Волги как пограничная зона или как один из наиважнейших центров русской культуры, а также как символ единства всех этносов, проживающих в России, мыслится уже в народных эпосах средневековья и в литературных со-

чинениях современных национальных поэтов. Подобно новгородскому гостю Садко, благодарящего Волгу хлебом-солью и добрым словом («*Спасибо тебе, матушка Волга! Гулял я по тебе двенадцать лет никакой скорби над собою не видывал...*»²⁸), ценными товарами приносят свой дар обитающим в глубинах великой реки *шелкобородому Ведяте* (водяному) и *шелковолосой Ведяпе* (русалке) мордонские купцы²⁹. Чтобы доказать силу и храбрость своим соплеменникам, в Нартском эпосе берегов глубоководной рек *Индыль* на быстроногих, выносливых конях достигают смелые воины и отдаленных адыгских земель, возглавляемые юным героем Ашамезом.

А Индыль-река после долгих ливней
Разлилась, будто буйное море стала,
За буграми ноли, за гремучей пеной
Еле-еле виден далекий берег³⁰.

В лирике национальных поэтов России XX столетия нерушимость дружественных уз с русским народом олицетворяют притоки Волги – Ока, Кама, Волго-Донской канал, пейзажи, сходные с картинами природы поволжского края: «*Народ мари, как с Волгою Ока, Ты с русскими сдружился на века*» (М.Казиков, мари); «*Хватает Волге широты и сини, но с Камою от еще синей...*» (Ф.Васильев, удм.); «*...такие ж ели, сосны. Как на волжская берегу, – На моем растут Урале*» (Х.Карим. башкир.)³¹. В поэме балкарской поэта К.Кулиева «Знамя» (1970) символами единства многонациональной России выступают неиссякаемая в своем поступательном движении река Волга и незыблемо-гордая вершина седого Эльбруса.

Хасан, что встал горой у Волги русой
И выстоял врагу наперекор,
Считал её, как горец, рек Эльбрусом!
А ты, Эльбрус, для горцев – Волга гор!³²

Вышеприведенные примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-«географического» знака отечественной действительности – *реки Волги*. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимии превращается в многосмысловой знак – емкий образ. Река Волга символизирует мощь и красоту самой России.

¹ Лотман Ю. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб., 2000, с.240-249; Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997, № 4. С.125-142.

² Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995. С. 259.

³ Греймас А., Курте Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка // Семиотика в 2т. / Сост. и общ. ред. Ю.Степанова. Благовещенск, 1998. Т.2, С. 520.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / Пер. с немецкого и дополн. О.Н. Трубачева; под ред. с предисл. Б.А.Ларина, 3-е изд., стереотипн. СПб., 1996. Т. 1. С. 336-337.

⁵ Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: От реакции к стимулу / ИРЯ РАН, 1994. С.45.

⁶ Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции / ИРЯ РАН, 1994. С. 16, 27, 142.

⁷ Гумилев Л. История людей и история природы. М.,1993. С.450.

⁸ Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1983. С.205-206.

⁹ Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Саратов, 1969. С.134-135.

¹⁰ Там же. С.135.

¹¹ Текст цитируется по изданию: Русская литература – век XVIII, Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. П.Кочетковой, Е.Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского и др. М., 1990.С.620-622.

¹² Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. С.219.

¹³ Юдин В. Слава отчего края. Волгоград, 1987. С.30.

¹⁴ Сарабьянов Д.В. История русского искусства второй половины XIX века: Курс лекций. М., 1989. С.242.

¹⁵ Гурская Ю.А. Культурогенные возможности языкового знака: Степан Разин // Язык и культура: Материалы Первой междунар. конф. / Украинский ин-т междунар. отнош. При Киевском ун-те им. Т. Г.Шевченко, Киев, 1987. С. 89-91.

¹⁶ Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. М., 1985, Т. 1. С. 382.

¹⁷ Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. С. 172.

¹⁸ Там же. С.161.

¹⁹ Корман Б.О. Лирика Некрасова. Изд 2-е. Ижевск, 1978. С.248.

²⁰ Некрасов И.Л. Стихотворения и поэмы. М., 1980. С.90.

²¹ Сарабьянов Д.В. Там же. С.184.

²² Чехов А.П. Избранные сочинения / Сост., вступ. статья З.Паперного. М., 1988. С.220.

²³ Прыткоп В. Чехов и Левитан, М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1949. С. 48.

²⁴ Савченко И.П., Липявкин А.Ф., Калиниченко П.П. Царицын. Сталинград. Волгоград. Волгоград, 1967; Юдин В. Слава отчего края, Волгоград, 1987.

- ²⁵ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 750.
- ²⁶ Глазами друзей: Зарубежные писатели о Советском Союзе. М., 1982. С.182, 197, 243.
- ²⁷ Ошанин Л. Собрание сочинений в 3 т. М., 1981. Т. 3. С. 316-323 (Об истории создания песни); Т, 2. С.289 (Текст песни цитируется по этому изданию).
- ²⁸ Афанасьев А.Н. Там же. С.206.
- ²⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 8 т. Т-1. Саранск, 1963.
- ³⁰ Сказания столетий: Эпос народов СССР. М., 1981, С. 130.
- ³¹ Союз нерушимый: Поэзия народов СССР. М., 1982. С. 206, 223.
- ³² Кулиев К. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 338.